

СОРБЦИЯ ИОНОВ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ ИЗ ВОДНЫХ РАСТВОРОВ МЕЗОПОРИСТЫМ 2-ЭТИЛИМИДАЗОЛАТОМ НИКЕЛЯ

© 2022 г. Д. В. Филиппов^а, *, В. А. Фуфаева^а, М. В. Шепелев^а

^аИвановский государственный химико-технологический университет
Шереметевский пр-т, 7, Иваново, 153000 Россия

*e-mail: filippov@isuct.ru

Поступила в редакцию 08.09.2021 г.

После доработки 28.09.2021 г.

Принята к публикации 30.09.2021 г.

Представлены результаты исследования процессов сорбции ионов меди(II), кадмия(II) и хрома(III) в присутствии мезопористого 2-этилимидазолат никеля при 298 К. Определены важнейшие сорбционные характеристики, в частности значения предельной адсорбции для данного материала по каждому металлу. Предельная адсорбция 2-этилимидазолат никеля по меди(II), кадмию(II) и хрому(III) достигает 5.98, 5.05 и 7.65 моль/кг соответственно. Показано, что на адсорбционные характеристики 2-этилимидазолат никеля по отношению к тяжелым металлам оказывают влияние как величина кристаллографических радиусов и заряда элементов, так и распределение их в фазе раствора. Установлено, что процесс адсорбции тяжелых металлов является термодинамически самопроизвольным. Образец 2-этилимидазолат никеля изучен с помощью сканирующей электронной микроскопии, ИК-спектроскопии (НПВО) и порошковой рентгеновской дифракции.

Ключевые слова: сорбция, металлоорганические каркасные структуры, степень извлечения, предельная адсорбция

DOI: 10.31857/S0044457X22030084

ВВЕДЕНИЕ

Распространение ионов тяжелых металлов в окружающей среде является результатом глобальной индустриализации [1–5]. Тяжелые металлы не поддаются биологическому разложению и имеют тенденцию накапливаться в живых организмах, проявляя по отношению к ним цитотоксическое действие, в частности, они связываются с аминокислотами белков через $-\text{NH}_2$ - и $-\text{SH}$ -группы, инактивируя ряд ферментов и другие биологически активные вещества. В настоящее время применяются различные по происхождению и механизму действия сорбенты, но они имеют относительно низкую сорбционную емкость и селективность [6–12]. Поэтому эффективное удаление тяжелых металлов из водных сред остается актуальной задачей. В качестве эффективных сорбентов большой интерес вызывают имидазолатные каркасные структуры (ИКС), являющиеся подклассом металлоорганических каркасных структур, не только в связи с их высокой удельной поверхностью и воспроизводимостью функциональных свойств, но и с возможностью получения в “мягких” условиях. На данный момент получены каркасы, использование которых без дополнительных модификаций возможно в ряде адсорбцион-

ных процессов, эти материалы демонстрируют большой потенциал для извлечения ионов тяжелых металлов. В настоящее время получены ИКС, достаточно эффективно извлекающие ионы $\text{Cd}(\text{II})$, $\text{Cr}(\text{III}, \text{VI})$, $\text{As}(\text{VI})$, $\text{Cu}(\text{II})$ [13–18]. Однако используемые имидазолатные каркасные структуры имеют относительно небольшую сорбционную емкость по многим тяжелым металлам, а адсорбционное равновесие в системе сорбент–раствор при извлечении ионов тяжелых металлов из водных растворов устанавливается через 3–7 ч, что является достаточно продолжительным в производственных масштабах процессом [19–22].

Цель настоящей работы – изучение сорбционных характеристик и закономерностей адсорбции тяжелых металлов в присутствии имидазолатных каркасных структур с улучшенными сорбционными характеристиками.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

В работе использовали (без дополнительной очистки) хлорид никеля ($\text{NiCl}_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$, х. ч.), 2-этилимидазол (Sigma Aldrich, >98.0%), додецилдиметиламин-N-оксид (х. ч.), аммиак водный 20%-ный (NH_4OH , ч. д. а.), сульфат меди(II) ($\text{CuSO}_4 \cdot 5\text{H}_2\text{O}$, х. ч.), хлорид кадмия(II)

($\text{CdCl}_2 \cdot 2.5\text{H}_2\text{O}$, ч. д. а.), сульфат хрома(III) ($\text{Cr}_2(\text{SO}_4)_3 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$, ч. д. а.).

Синтез 2-этилимидазолат никеля проводили прямым смешением. Этот метод можно считать высокоэффективным как с точки зрения выхода, так и с позиции продолжительности и энергозатрат. Основной особенностью данного метода является контакт растворов соответствующих предшественников в присутствии структурирующих агентов при комнатной температуре и постоянном перемешивании. Так, хлорид никеля(II) растворяли в 30 мл дистиллированной воды, 2-этилимидазол – в 30 мл изопропилового спирта совместно со 100 мкл 20%-ного водного раствора аммиака. Раствор додецилдиметиламин-N-оксида (ДДАО) получали отдельно по следующей схеме: 150 мкл ДДАО растворяли в 40 мл дистиллированной воды при постоянном перемешивании (200 об/мин), затем к водному раствору ДДАО совместно приливали приготовленные растворы хлорида никеля и 2-этилимидазола. Мольное соотношение лиганд : металл = 4. Реакционную смесь выдерживали при комнатной температуре ($25 \pm 1^\circ\text{C}$) и постоянном перемешивании (400 об/мин) в течение 30 мин. Затем образцы отделяли от раствора центрифугированием, трехкратно промывали изопропиловым спиртом и дистиллированной водой. Полученный 2-этилимидазолат никеля сушили в вакуумном сушильном шкафу при температуре 120°C до постоянной массы.

Данные о морфологии имидазолатных каркасных структур получены методом сканирующей электронной микроскопии с помощью сканирующего электронного микроскопа Tescan VEGA 3 SBH при ускоряющем напряжении 5 кВ.

Инфракрасные спектры регистрировали с помощью ИК-фурье-спектрометра Shimadzu IRAffinity-1S методом нарушенного полного внутреннего отражения в диапазоне $4000\text{--}500\text{ см}^{-1}$.

Фазовый состав изучали методом рентгенофазового анализа на дифрактометре XRD Advance Bruker (CuK_α -излучение, 40 кВ, 50 мА). Диапазон сканирования $2\theta\ 5^\circ\text{--}35^\circ$, размер шага 0.008° (2θ).

Расчет удельной поверхности и радиуса пор 2-этилимидазолат никеля путем обработки изотерм, полученных методом низкотемпературной адсорбции азота, а также изучение и описание кинетики сорбции ионов меди(II) в присутствии 2-этилимидазолат никеля представлены в работе [23].

Диффузионный массоперенос ионов меди изучали в рамках теории Вебера–Морриса, описываемой уравнением (1):

$$q_\tau = k_{\text{id}}\sqrt{\tau} + c, \quad (1)$$

где q_τ – сорбционная емкость в текущий момент времени, мг/г; k_{id} – константа скорости внутрипористой диффузии; c – параметр, связанный с толщиной пограничного слоя, мг/г.

Эксперименты по сорбции ионов тяжелых металлов проводили в статических условиях из водных растворов при термостатировании (298 K).

Процесс сорбции тяжелых металлов и получения изотерм сорбции описан на примере извлечения ионов меди(II). Навески образцов 2-этилимидазолат никеля массой 0.1 г помещали в 10 мл водного раствора сульфата меди. Начальную концентрацию Cu(II) варьировали в интервале $7 \times 10^{-4}\text{--}0.07$ моль/л. Время контакта соответствовало времени достижения адсорбционного равновесия, определенного в кинетическом эксперименте [23]. Начальную и конечную концентрацию металлов в растворе фиксировали с помощью атомно-абсорбционного спектрометра 210 VGP. Для получения сорбционных характеристик процесса изотермы адсорбции ионов меди(II) обрабатывали в линейных координатах моделей Ленгмюра (2), Фрейндлиха (3) и Дубинина–Радушкевича (4):

$$\frac{C}{A} = \frac{1}{A_m} C + \frac{1}{A_m K_L}, \quad (2)$$

$$\ln q_e = \ln K_F + \frac{1}{n} \ln C, \quad (3)$$

$$\ln q_\tau = \ln q_m + \frac{RT}{B} \ln \frac{C_s}{C_\tau}, \quad (4)$$

где C и C_τ – равновесная и текущая концентрации ионов меди(II) соответственно, моль/л; q_τ и q_e – сорбционные емкости в текущий момент времени и в момент достижения адсорбционного равновесия соответственно, мг/г; A и A_m – равновесная и предельная адсорбция, моль/кг; R – газовая постоянная, Дж/(моль К), T – абсолютная температура, К, $B = \beta E$ – константа уравнения Дубинина–Радушкевича, где E – характеристическая энергия адсорбента, кДж/моль; $1/n$ – характеристическая константа, определяющая благоприятное течение адсорбции; K_L – концентрационная константа сорбционного равновесия, характеризующая интенсивность адсорбции, л/моль; K_F – константа Фрейндлиха, (мг/г)/(л/мг) $^{1/n}$.

Значения констант Генри (H_i , л/кг) рассчитывали по формуле:

$$H_i = A_m b, \quad (5)$$

где A_m – предельная адсорбция, моль/кг; b – адсорбционный коэффициент, численно равный константе Ленгмюра (уравнение 2).

Для расчета величин изменения энергии Гиббса (ΔG_a^0 , кДж/моль) использовали уравнение:

$$\Delta G_a^0 = -RT \ln(b), \quad (6)$$

где R – универсальная газовая постоянная, кДж/(моль К); T – абсолютная температура, К; b – адсорбционный коэффициент, численно равный константе Ленгмюра (уравнение (2)).

Значения максимальной степени заполнения поверхности (θ) определяли по формуле:

$$\theta = \frac{A}{A_m}, \quad (7)$$

где A и A_m – равновесная и предельная адсорбция, моль/кг.

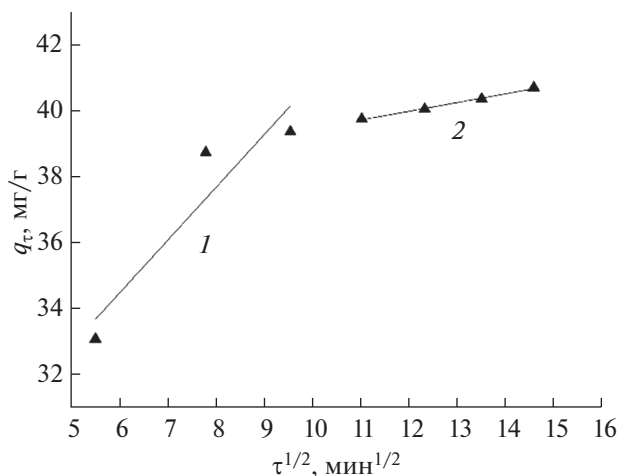

Рис. 1. Кинетика сорбции ионов меди(II), представленная в координатах диффузионной модели Вебера–Морриса.

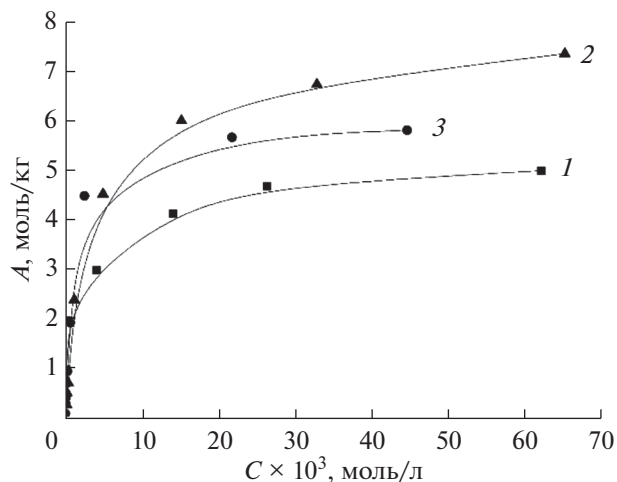

Рис. 2. Изотермы адсорбции ионов кадмия(II) (1), хрома(III) (2) и меди(II) (3).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Известно, что в ходе адсорбции на пористых телах появляется стадия переноса вещества внутри пор, для которой характерен диффузионный механизм. При этом стадия диффузионного массопереноса может определять время достижения адсорбционного равновесия, всего процесса в целом. Диффузию ионов меди(II) из объемной фазы раствора в объемную фазу сорбента изучали в рамках теории Вебера–Морриса (рис. 1, табл. 1).

Из вида зависимости следует, что в процессе сорбции можно выделить две последовательные стадии массопереноса ионов меди для всех образцов. Первый линейный участок графика характеризует диффузию Cu(II) из объема раствора через внешний диффузионный слой к поверхности 2-этилмидазолат никеля (внешнедиффузионный массоперенос). Здесь лимитирующей стадией является диффузия через границу у поверхности. В точке излома происходит снижение влияния внешнедиффузионного и увеличение внутридиффузионного фактора. Второй линейный участок относится к диффузии ионов Cu(II) внутрь сорбента (внутридиффузионный массоперенос). Здесь сорбционный процесс лимитируется переносом ионов меди(II) в фазе сорбента.

Сорбционное равновесие в системе 2-этилмидазолат никеля–раствор CuSO₄, определенное в кинетическом эксперименте [23], наступает через 120 мин, что соответствует второму участку зависимости. Таким образом, достижение сорбционного равновесия лимитируется переносом металла в фазе сорбента.

Сорбцию ионов меди(II), кадмия(II) и хрома(III) 2-этилмидазолатом никеля осуществляли в статических условиях в ограниченном объеме раствора при 298 К. Изотермы сорбции получены в интервале концентраций 7×10^{-4} –0.07 моль/л (рис. 2).

Экспериментальные значения предельной адсорбции для образца 2-этилмидазолат никеля, полученного в водно-спиртовом растворе в присутствии додецилдиметиламин-N-оксида, по отношению к ионам меди, кадмия и хрома составляют 5.85, 4.8 и 7.34 моль/кг соответственно.

Обработку изотерм адсорбции проводили в линейных координатах изотерм Ленгмюра, Фрейндлиха и Дубинина–Радушкевича. Параметры процессов адсорбции рассчитаны и обобщены в табл. 2. Результаты расчетов величин коэффициентов распределения, констант Генри, изменения энергии Гиббса и максимальной степени заполнения представлены в табл. 3.

Показано, что предельная адсорбция для 2-этилмидазолат никеля по кадмию, полученная из линейных координат изотермы Ленгмюра, составляет 5.02 моль/кг, что значительно меньше, чем при извлечении ионов меди(II) (5.98 моль/кг). Известно, что при равном заряде адсорбирующихся ионов адсорбционная способность увеличивается с ростом их кристаллографического радиуса, так как возрастает их поляризуемость и, как следствие, энергия дисперсионного взаимодействия, т.е. адсорбционная способность. Кристаллографический радиус кадмия равен 0.152 нм, меди – 0.128 нм [24]. Однако в данном случае весомый вклад вносит фактор растворимости соли металла и, следовательно, его доступность в растворе. Максимально возможная концентрация ионов

Таблица 1. Параметры внутренней диффузии по модели Вебера–Морриса. R^2 – коэффициент корреляции

Участок	k_{id} , мг/(г мин ^{1/2})	c , мг/г	R^2
2-этилмидазолат никеля			
1	1.618	24.76	0.97
2	0.276	36.75	0.99

Таблица 2. Константы процесса адсорбции ионов кадмия(II) и хрома(III) в присутствии образца. М – металл, R^2 – коэффициент корреляции

М	А, моль/кг	Ленгмюр			Фрейндлих			Дубинин–Радушкевич		
		A_m , моль/кг	K_L , л/моль	R^2	n	K_F , (мг/г)/(л/мг) $^{1/n}$	R^2	A_m , моль/кг	E , кДж/моль	R^2
Cu	5.85	5.98	847.45	0.99	2.5	1.565	0.88	3.45	9.56	0.97
Cd	4.8	5.02	777.53	0.99	1.34	0.985	0.88	2.1	8.39	0.99
Cr	7.34	7.65	897.12	0.99	1.91	1.371	0.89	4.06	9.91	0.97

Таблица 3. Результаты расчетов величин коэффициентов распределения, констант Генри, изменения энергии Гиббса и максимальной степени заполнения

М	K_D , л/г	H_i , л/кг	ΔG_a^0 , кДж/моль	θ
Cu(II)	1.517	5067.75	–16.71	0.98
Cd(II)	1.175	3903.2	–16.48	0.96
Cr(III)	2.7	6862.96	–16.83	0.98

кадмия в водном растворе при температуре 25°C составляет 5.86 моль/л, что в 4 раза больше максимально возможной концентрации ионов меди в растворе (1.4 моль/л). При увеличении растворимости адсорбата показательно снижаются его константы распределения (K_D , табл. 3) между адсорбентом и объемной фазой, понижается избирательность адсорбции, что отражается на величинах предельной адсорбции A_m .

Значения кристаллографических радиусов хрома и меди близки (0.128 нм) [24]. Однако на адсорбционную способность при извлечении хрома(III) в присутствии 2-этилимидазола никеля влияют несколько факторов. Известно, что адсорбционная способность иона возрастает с уве-

личением его заряда, что объясняется значительной энергией кулоновского взаимодействия иона большого радиуса с поверхностью. Наряду с указанным фактором вносит вклад доступность хрома в растворе. Максимально возможная концентрация ионов хрома(III) в растворе составляет 1.28 моль/л, т.е. в данном случае снижение растворимости и, как следствие, рост адсорбционной способности ионов хрома за счет увеличения распределения в гетерофазной системе приводит к увеличению предельной адсорбции 2-этилимидазола никеля по данному металлу до 7.34 моль/л.

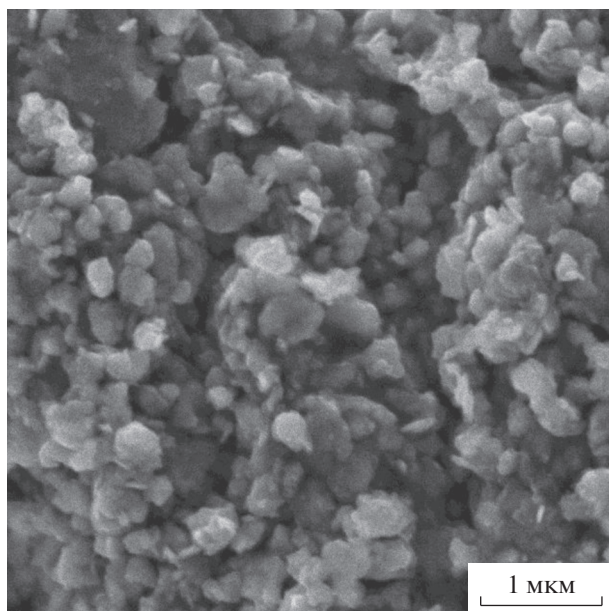
По данным, полученным из линейных координат изотермы Дубинина–Радушкевича, видно, что ионообменная природа адсорбции сохраняется преимущественно для всех тяжелых металлов ($E = 8–16$ кДж/моль) [18]. Из полученных значений изменения энергии Гиббса следует, что процесс адсорбции ионов тяжелых металлов является термодинамически самопроизвольным. Максимальная степень заполнения поверхности по меди, кадмию и хрому составляет 0.98, 0.96 и 0.98 соответственно.

Морфология 2-этилимидазола никеля показана на рис. 3. Образец представляет собой микрорегетерогенный материал со средним размером частиц 0.4 мкм. Материал является мезопористым, наиболее вероятный радиус пор составляет 7.5 нм, а значение удельной поверхности достигает 703.5 м²/г [23].

Структурная формула полученного 2-этилимидазола никеля построена на основе подобных структур, приведенных в Кембриджской кристаллографической базе данных и представлена на рис. 4.

На рис. 5 приведена рентгеновская дифрактограмма образца 2-этилимидазола никеля. Видно, что на графике присутствуют рефлексы, характерные для кристаллической структуры, что согласуется с известными литературными данными для этого класса соединений [25].

В ИК-спектре 2-этилимидазола никеля по сравнению со спектром 2-этилимидазола присутствуют уширенные пики, свидетельствующие о комплексообразовании никеля с имидазолом. Так, пики при 1400–1300 см^{–1} отвечают связи никеля с атомом азота гетероцикла, а при 530–525 см^{–1} – связи третичного атома азота гетероцикла с никелем (рис. 6).

Рис. 3. Микрофотография образца 2-этилимидазола никеля.

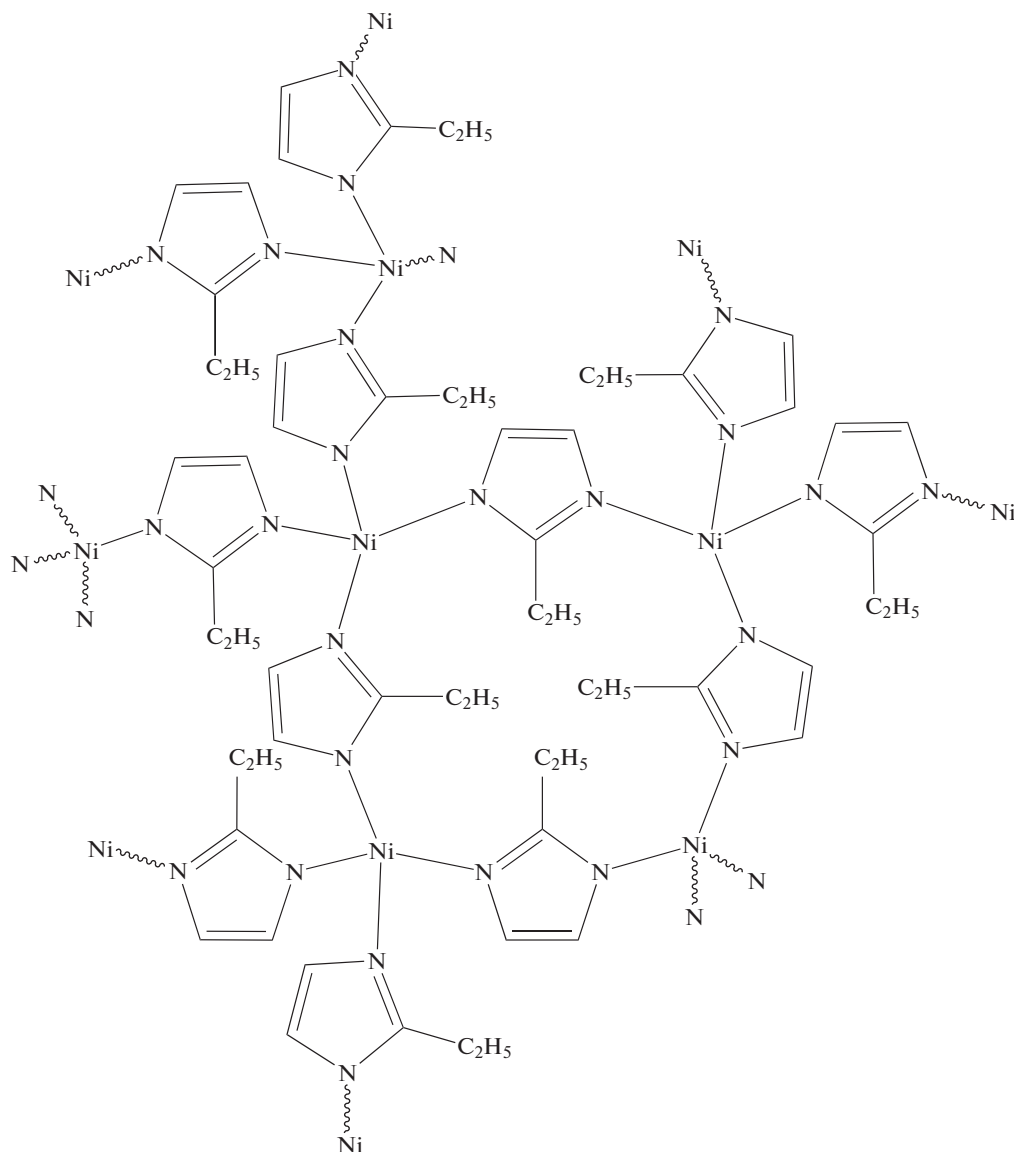

Рис. 4. Структурная формула 2-этилимидазолат никеля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определена эффективность применения мезопористого 2-этилимидазолат никеля, полученного методом прямого смешения, в процессах сорбции ионов тяжелых металлов. На основании координат Вебера–Морриса установлено, что, проходя через стадию снижения влияния внешнедиффузионного фактора, наблюдаемого в начале процесса, и увеличения внутридиффузионного фактора, процесс адсорбции в дальнейшем лимитируется переносом ионов меди(II) в фазу сорбента. Извлечение ионов меди, кадмия и хрома в присутствии образца 2-этилимидазолат никеля лимитируется как предельной растворимостью, так и значениями кристаллографических радиусов элементов. Значения характеристической энергии адсорбции указывают на ионооб-

менную природу процесса сорбции тяжелых металлов. В целом процессы извлечения меди(II), кадмия(II) и хрома(III) являются термодинамически самопроизвольными, а максимальная степень заполнения в ходе адсорбции достигает 0.98.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование проведено с использованием ресурсов Центра коллективного пользования научным оборудованием ИГХТУ (при поддержке Минобрнауки России, соглашение № 075-15-2021-671).

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

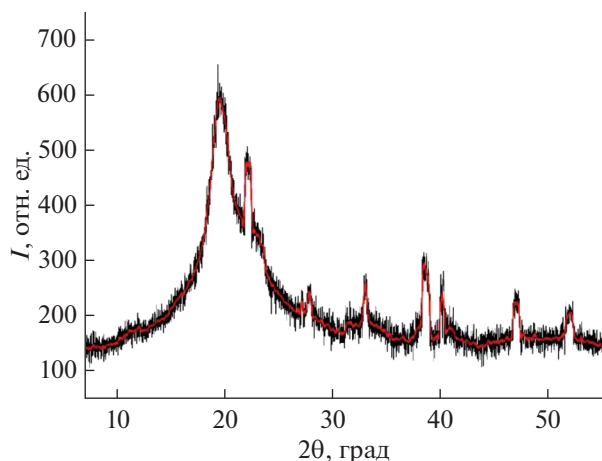

Рис. 5. Рентгеновская дифрактограмма 2-этилимидазолата никеля.

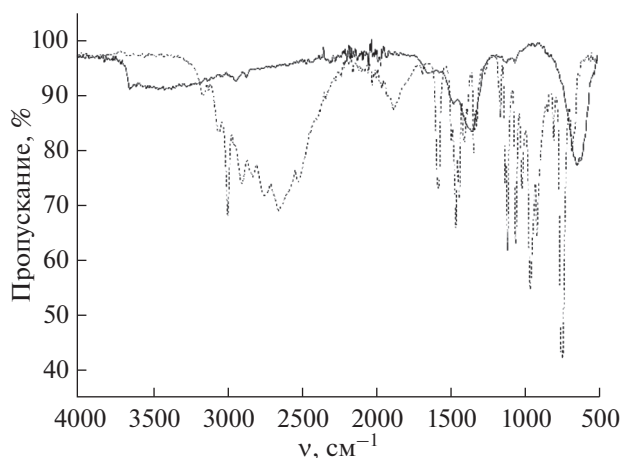

Рис. 6. ИК-спектры 2-этилимидазолата никеля (сплошная линия) и 2-этилимидазола (пунктирная линия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Gordienko P.S., Shabalin I.A., Yarusova S.B. et al. // Russ. J. Inorg. Chem. 2019. V. 64. № 12. P. 1579. <https://doi.org/10.1134/s0036023619120052>
- Алиева А.Ф., Гусейнов Ф.Э., Эфендиева Н.Т. и др. // Изв. вузов. Химия и хим. технология. 2019. Т. 62. № 8. С. 71. <https://doi.org/10.6060/ivkkt.20196208.5898>
- Bezhin N.A., Dovhyi I.I., Lyapunov A.Y. et al. // Russ. J. Inorg. Chem. 2019. V. 64. № 9. P. 117. <https://doi.org/10.1134/s0036023619090031>
- Пугачева И.Н., Карманов А.В., Зуева С.Б. // Изв. вузов. Химия и хим. технология. 2020. Т. 63. № 2. С. 105. <https://doi.org/10.6060/ivkkt.20206302.6098>
- Fufaeva V.A., Nikiforova T.E. // Int. J. Adv. Med. Biomed. Sci. 2020. V. 2. P. 3.
- Rasheed T., Ahmad A., Bilal M. et al. // Chemosphere. 2020. V. 259. P. 127369. <https://doi.org/10.1016/j.chemosphere.2020.127369>
- Abdi J., Abedini H. // Chem. Eng. J. 2020. V. 400. P. 125862. <https://doi.org/10.1016/j.cej.2020.125862>
- Shen B., Wang B., Zhu L. et al. // Nanomaterials. 2020. V. 10. P. 1636. <https://doi.org/10.3390/nano10091636>
- Begum J., Hussain Z., Noor T. // Mater. Res. Express. 2020. V. 7. P. 015083. <https://doi.org/10.1088/2053-1591/ab6b66>
- Manousi N., Giannakoudakis D.A., Rosenberg E. et al. // Molecules. 2019. V. 24. P. 4605. <https://doi.org/10.3390/molecules24244605>
- Zhou L., Li N., Owens G. et al. // Chem. Eng. J. 2019. V. 362. P. 628. <https://doi.org/10.1016/j.cej.2019.01.068>
- Wang C., Yang R., Wang H. // Materials. 2020. V. 13. № 1. P. 214. <https://doi.org/10.3390/ma13010214>
- Liu B., Khan A., Kim K. et al. // Crit. Rev. Environ. Sci. Technol. 2019. P. 2441. <https://doi.org/10.1080/10643389.2019.1694820>
- Shahrak N., Ghahramaninezhad M., Eydifarash M. // Environ. Sci. Pollut. Res. 2017. V. 24. № 10. P. 9624. <https://doi.org/10.1007/s11356-017-8577-5>
- Xiao T., Liu D. // Microporous Mesoporous Mater. 2019. V. 283. P. 88. <https://doi.org/10.1016/j.micromeso.2019.03.002>
- Younis S.A., Bhardwaj N., Bhardwaj S.K. et al. // Coord. Chem. Rev. 2020. V. 6. P. 213620. <https://doi.org/10.1016/j.ccr.2020.213620>
- Safaei M., Foroughi M.M., Ebrahimpoor N. et al. // TrAC, Trends Anal. Chem. 2019. V. 118. P. 401. <https://doi.org/10.1016/j.trac.2019.06.007>
- Gao Q., Xu J., Bu X.H. // Coord. Chem. Rev. 2019. V. 378. P. 17. <https://doi.org/10.1016/j.ccr.2018.03.015>
- Siddiqui S.I., Ravi R. // A New Generation Mater. Graphene: Appl. Water Tech. 2019. P. 221. https://doi.org/10.1007/978-3-319-75484-0_9
- Pillai P.S., Dharaskar S., Sasikumar S. et al. // Appl. Water Sci. 2019. V. 9. № 7. P. 150. <https://doi.org/10.1007/s13201-019-1030-9>
- Li K., Miwornunyuie N., Chen L. et al. // Sustainability. 2021. V. 13. № 2. P. 984. <https://doi.org/10.3390/su13020984>
- Liu C., Wang P., Liu X. et al. // Chem. Asian J. 2018. P. 261. <https://doi.org/10.1002/asia.201801431>
- Фуфаева В.А., Филиппов Д.В. // Изв. вузов. Химия и хим. технология. 2021. Т. 64. № 5. С. 24. <https://doi.org/10.6060/ivkkt.20216405.6354>
- Бугаенко Л.Т., Рябых С.М., Бугаенко Ф.Л. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 2. Химия. 2008. Т. 49. № 6. С. 363.
- Zhang Y., Jia Y., Li M. et al. // Sci. Rep. 2018. V. 8. № 1. P. 9597. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-28015-7>